

АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
ЛЕНИНГРАДСКАЯ КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ  
ЛЕНИНГРАДСКАЯ ЧАСТЬ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ  
ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

**РОЛЬ  
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ФАКТОРА  
В ИСТОРИИ  
ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ  
ОБЩЕСТВ**

**(по этнографическим данным)**

**СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ**

Ответственные редакторы  
**В. Н. БОРЯЗ, Л. П. ПОТАПОВ**



ЛЕНИНГРАД  
«НАУКА»  
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ  
1984

ЕСТЕСТВЕННЫЕ УСЛОВИЯ И СИСТЕМА  
ХОЗЯЙСТВЕННО-СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ  
В ПОЗДНЕФЕОДАЛЬНЫЙ ПЕРИОД  
В ИСТОРИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Окружающая среда, в первую очередь земля и вода, являются объективным условием существования труда, «его природной лабораторией», и отношение человека к условиям своего труда как к своей собственности представляет «природное единство труда с его вещными предпосылками».<sup>1</sup> Земля — базис коллектива, производящего и воспроизводящего себя в живом труде, земля — арсенал, доставляющий и средства труда, и материал труда, и место для поселения. Поэтому люди, присваивая эти объективные условия, познавая, используя и преобразуя природный материал, в процессе этой жизнедеятельности изменяли и свою собственную природу.<sup>2</sup> Исследование диалектики системы «общество—человек—природа» является одним из главных аспектов марксистской общественной науки. Классики марксизма-ленинизма, открывшие подлинные законы развития общества, выявили сложное диалектическое единство, различие и взаимообусловленность естественных и социальных факторов в общем процессе такого развития при определяющей роли последних. Научная позиция марксизма такова: «Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе. . .».<sup>3</sup> При этом, однако нельзя дойти «хотя бы только до начала познания исторической действительности, исключив из исторического движения теоретическое и практическое отношение человека к природе. . .».<sup>4</sup> Сам же факт историчности отношения человека к среде обитания означал, что это отношение не оставалось одинаковым во все периоды. Оно изменялось в соответствии с развитием производственных отношений между людьми, выступало в различных формах, качественно преобразуясь при переходе от одной общественно-экономической формации к другой.

Следовательно, в этих основополагающих положениях марксистско-ленинского учения о взаимодействии природы

и общества заключен спектр методологических принципов для всякого частнонаучного — исторического, этнографического и т. д. — познания данных объективных взаимодействий.

Прежде всего, такое взаимодействие должно изучаться как исторически конкретное. Это предполагает, во-первых, учет ограничений пространственно-географического и хронологического порядка для оценки состояния как природы, так и общества. Но, во-вторых, на фоне действия таких внешних критериев должны быть введены сущностные критерии оценки уровня развития основных компонентов природной среды и уровня развития существующего в этих условиях общества с точки зрения его формационного типа. В третьих, необходимо конкретизировать представления о самом способе формирования отношений общества и природы, что возможно, если видеть реальные процессы и механизмы воздействия естественно-природных условий как материальных факторов развития общественных производительных сил и их отдельных элементов, а через них — в опосредованной форме — и развития видов производственных, а также всей системы экономических отношений; и наоборот — показать, как наличный уровень развития производительных сил при определяющей роли существующих производственных отношений преобразует систему природных условий в единстве с присущими ей законами воспроизводства их основных материальных элементов, состояний и процессов.

Однако исследование исторически конкретных типов взаимодействия общества и природы, специфических законов этого взаимодействия, не должно превращаться в самоцель. Оно должно также установить место данных исторически-конкретных типов взаимодействий в общей исторической цепи диалектических взаимосвязей общества и природы, обогатить представления о диалектике реализации общих законов этих взаимосвязей в их особенных формах.

Всеобщий характер данных методологических предпосылок частнонаучного исторического исследования и позволяет предпринять попытку, основываясь на некоторых из них, рассмотреть на материале истории народов Средней Азии в позднефеодальный период конкретные формы взаимовлияния естественных условий и сложив-

шейся системы хозяйственно-социальных отношений соответствующего общества.

Среднеазиатские материалы весьма наглядно иллюстрируют тесную взаимосвязь природы и общества, соответствие типам природных условий определенных хозяйственно-экономических районов. Однако различия последних были следствием не только специфичности естественных условий, территориального размещения этих районов, но отражали уровень общественного развития в конкретный период и сложившиеся этно-социальные и хозяйственно-культурные традиции, носителями которых выступали непосредственные производители разной этно-социальной принадлежности.

Различные хозяйственные районы и историко-культурные области, соответствовавшие тем или иным частям среднеазиатского региона, археологами устанавливаются уже с эпохи камня.<sup>5</sup> По мере накопления археологических материалов, особенно касающихся последующих эпох бронзы, раннего железа, раннего средневековья, увеличивается степень дифференцированного районирования и число выявленных историко-культурных областей.<sup>6</sup>

Материалы, используемые нами для освещения поставленной проблемы, относятся к XIX—началу XX в., т. е. к периоду позднего феодализма и началу развития капиталистических отношений. Последнее связывается с включением части Средней Азии во второй половине XIX в. в состав Российской империи. Эта часть именовалась Туркестанским краем и объединяла Ферганскую и Зеравшанскую (верхнюю половину) долины, Ташкентский и прикопетдагские оазисы и низовья Сырдарьи. Хорезмский оазис и Кызылкумские пустыни оставались территорией Хивинского ханства. Территорией Бухарского ханства считались низовья Зеравшана (Бухарский оазис), весь Кашкадарьинский бассейн, Сурхандарьинская долина с прилегающими с востока горными областями.

Природные условия, хозяйственное и экономическое значение Средней Азии в целом и отдельных ее частей исследованы и описаны во многих общих и специальных работах как дореволюционных, так и советских авторов.<sup>7</sup>

Исторические области древности и раннего средневековья, несмотря на политические и социальные изменения, сохранялись до позднего средневековья, отличаясь

от прошлого уровнем развития производительных сил и производственных отношений, а также формами и степенью освоения природных условий.<sup>8</sup>

Природные условия Средней Азии (ландшафт, почвы, климат, растительный и животный мир) отличаются большим разнообразием и резкой контрастностью, хотя морфологическая пестрота различных географических районов (их насчитывается за 14) завуалирована большой протяженностью территории и постепенностью перехода от района к району.

Ландшафт Средней Азии составляют равнины, предгорные равнины разных высот и горы. Равнинный рельеф охватывает западные песчаные пустыни Каракумы и Кызылкумы, междуречье Амударьи и Сырдарьи, правобережье Сырдарьи (ниже Ташкентского оазиса) и Ферганскую котловину. Предгорные же и наклонные подгорные равнины тянутся узкой полосой у подножия гор, имея полого-волнистый характер поверхности, где подъемы соответствуют конусам выноса воды. Эти равнины занимают южную и восточную части территории Средней Азии, обрамляя долины многих рек. Горные массивы, как и их наклонные равнины, сосредоточиваются в восточной части Средней Азии, продолжаясь грядой Копетдагских гор на южной ее границе. Почвы Средней Азии, весьма многообразные по своим качествам, распределяются почти в соответствии с геоморфологическими районами. Как предмет труда и средство производства они классифицируются на два основных вида: исходные целинные, т. е. естественные почвы, и орошаемые почвы, созданные хозяйственной деятельностью человека. К первым видам почв относятся серо-бурые. В зависимости от разновидностей (пустынные и луговые, солончаковые и сероземные) эти почвы используются как пастбища — сезонные и круглогодичные (в Кызылкумах, Каракумах, Ферганской котловине и на северном побережье Сырдарьи и на Зеравшане, в «хакобных» местах, с высоким стоянием грунтовых вод, и в пойменных затопляемых частях подгорных равнин — «дайровод», «карадарахт», в поймах, богатых кустарниковой растительностью, во многих долинах — Зеравшанской, Чирчикской, Сурхандарьинской, в верхней половине Сырдарьи).

Второй вид почв — так называемый орошаемый. Он объединяет те же исходные целинные почвы, которые,

однако, человек постоянно изменяет, в частности искусственно орошая, взрыхляя, удобряя и т. д. Они разделяются еще на две группы почв: староорошенные, или оазиснокультурные, и новоорошенные. Орошаемые почвы, причем независимо от естественных или искусственных форм увлажнения, являются основой среднеазиатского земледелия. При учете всех географических условий годными для земледельческого хозяйства являются все сероземные почвы.

В целом на всех сероземах земледелие (орошаемое) было развито в долинах и дельтах рек и в подгорных равнинах, где можно подавать воду самотечным способом. Оно характерно для долин Зеравшана, Кашкадарьи и Сурхандарьи, Шерабада, Ангрена и Чирчика, для систем рек Чу-Таласского, Ферганского и Копетдагских районов, низовья Амударьи. В указанных долинах, составляющих 15% среднеазиатской территории, удобные для обитания и земледелия площади занимают всего 13.5% их территории.<sup>9</sup>

Несмотря на благоприятные рельефные, тепловые и световые, почвенные условия, орошение возделываемых культур (и даже пастбищ) имеет решающее значение для среднеазиатского населения. Орошение здесь разделяется на естественное (осадки в виде дождя и снега) и искусственное, источником которого являются реки различного питания и подземные грунтовые воды. Естественное орошение, на котором основано неполивное земледелие, возможно лишь на предгорных равнинах с сероземными почвами, где осадки достигают до 450 мм в год. В горах, где количество осадков еще больше, формируются зоны лесов и лугов. При этом линия распределения осадков (по количеству и сезонам года — весной и в осенне-зимний период) совпадает с линией изменения рельефа местности и почв. В зависимости от количества осадков выделяются зоны необеспеченного и обеспеченного неполивного земледелия. Эти зоны занимают всего 2% орошаемых земель. Искусственное орошение применялось на 98% возделывавшихся земель.<sup>10</sup> Полное орошение, возможное при речном источнике, обеспечивало в достаточной мере поливы растений, даже весьма водолюбивых. Это обеспеченное земледелие существовало в долинах, дельтах, низовьях рек. Неполное орошение отмечается на возвышенных предгорных местах, где можно пользоваться

лишь родниковыми, грунтовыми и паводковыми водами, появляющимися в разное время.

Развитие ирригации и ее состояние в бассейнах рек, особенно крупных, зависело как от природных условий, так — и в не меньшей степени — от исторически достигнутого уровня экономического развития, социальной организации, типа и характера политических отношений данного общества. Так, на заре развития ирригации, в эпоху неолита, человеком использовались прежде всего самые низинные земли в районах предгорных речек и в наиболее удобных местах рек, чаще — в самых низовьях (Амударьи, ферганских рек Исфайрама, Соха и др.). Здесь посевы орошались либо естественным затоплением, либо водным потоком, огражденным небольшими валиками, или прорытием поверхностных отводов из русла. Этот так называемый лиманный способ орошения, технически простой и легкий, можно было осуществлять силами, по-видимому, отдельных общин. Подобные способы орошения сохранялись, как нам известно, до начала XX в., например в Ферганской долине, на северо-западных предгорных равнинах Зеравшана и др.<sup>11</sup>

Дальнейшее многовековое развитие ирригации заключалось в увеличении числа и размера каналов сначала в той же, нижней, части водостока. Но постепенно каналы выводили и из верхних частей русла рек в соответствии с водным запасом данного источника, наличием удобных земель, техническими возможностями земледельцев и ирригаторов.<sup>12</sup> В результате оросительные системы развивались хотя и без планов и проектов в современном смысле слова, но при соразмерном учете наличных ресурсов природы, потребностей и возможностей — как технических, так и социальных — человеческих коллективов. Советские исследователи к критериям развития ирригационных систем XIX—начала XX в. — продукта человеческих усилий и строительного таланта местного населения — относят количество каналов как единиц оросительной системы и их протяженность. В целом по среднеазиатскому региону в начале XX в. насчитывалось до 3500 отдельных оросительных систем с протяженностью каналов 40—45 тыс. км. Тем самым есть основание считать, что качественные и количественные пределы развития среднеазиатской ирригации были достигнуты к рубежу XIX—XX вв. в условиях феодального и колониального

производства. Все площади, выходящие за эти масштабы, которые следовало оросить в дальнейшем, были уже не по силам таким обществам с их слабой техникой и феодальными формами организации работ.<sup>13</sup> Этот уровень конкретного вида деятельности человека соответствовал достигнутому в ходе исторического развития общему уровню культуры в целом, свойственному первобытно-общинной и феодальной формации.<sup>14</sup>

Природная среда является лишь одним, внешним компонентом объективно существующего диалектического процесса. Другим выступают коллективы людей, осуществляющих в этих условиях материальное производство. В единстве и различии, в развитии и взаимодействии этих компонентов активной стороной, субъектом истории является человек, общество. Используя природу, это общество первоначально приспособлялось к ней, а затем стало преобразовываться в соответствии с собственными потребностями и степенью развития своих способностей к такому преобразованию. Состояние хозяйства и географии отдельных его видов и отраслей, хозяйственно-культурные различия и расселение среднеазиатских народов на рубеже XIX—XX вв. служат тому достаточным подтверждением.

Пятимиллионное сельское население Туркестана разделялось на оседлое (три миллиона) и кочевое (более миллиона).<sup>15</sup> Оседлое население состояло из разновремено осевших ирано- и тюркоязычных народов, сартов — отюреченных таджиков<sup>16</sup> и собственно таджиков. В юго-восточной части Средней Азии — это узбекское и таджикское оседлое население и его этнографические группы генетического и территориального типа, а также «сословные группы с этническим оттенком — ходжа, саиды, исмаили, ша и др.»<sup>17</sup> Северную часть (Хорезм, Ташкентский оазис, восточную окраину Зеравшана, Ферганскую долину), т. е. издревле орошаемые земли, занимали сарты и таджики. Различаясь по территории расселения, они всюду сохраняли, по-видимому, более старое членение на «белых» и «черных». К первым причислялись ходжа, саиды, тура и др. Остальные сарты и таджики (а также узбеки и другие кочевые и полукочевые народы) объединялись в категорию «черных». Таджикскими районами являлись юго-восточные горные части Средней Азии (низовья Зеравшана, предгорные равнины Ферганы).



Таджики, как и сарты, сосредоточивались в крупных поселениях и городах. Таким образом, многочисленное оседлое население, не сохранившее родо-племенного деления, занимало бассейны водных источников указанных выше районов: подгорные, предгорные и низменные равнины, где было возможно искусственное орошение. А в низовьях и верховьях оросительных магистралей, в торговых, административных и других крупных поселениях сосредоточивались группы ходжа, саиды, тура и др., т. е. «белая» категория населения.<sup>18</sup>

Ко второй категории среднеазиатского населения причислялись тюркоязычные народы, сохранявшие родо-племенные деления. Для последних, в отличие от оседлого населения, естественные, родственные связи служили основой организации различных хозяйственных и даже территориальных объединений. Они вели кочевой или полукочевой образ жизни, занимаясь скотоводством, сочетавшимся в ряде областей с земледелием различного уровня. К этим народам здесь относились киргизы Тянь-Шаня и Памира, туркмены, выпасавшие свои стада в пустынях Каракума и Туранской низменности, полукочевые курама Ангренских гор и казахи, спускавшиеся на зимовки в Ташкентский оазис, узбеки Зеравшанской, Кашка- и Сурхандарьинской долин, каракалпаки дельты Амударьи и центральной Ферганы и, наконец, крупные этнографические группы, считавшие себя самостоятельными: мианкальские и ферганские кипчаки и турки, обитавшие большей частью в пологих горах верхнего Зеравшана и юго-восточных предгорьях Ферганы.

Все эти кочевые и полукочевые народы в XIX и даже в начале XX в. отличались не только от оседлых народов, но и друг от друга сложным родо-племенным составом. В процессе исторического развития происходили постоянные смешения различных родов и племен, народов и, наконец, кочевников с оседлым населением. В результате кочевые народы постоянно оседали, оттесняясь последующими пришельцами на различные территории, и нередко теряли при этом старые названия. Как показало последнее этнографическое исследование,<sup>19</sup> в южной части Средней Азии оседание кочевников происходило и на рубеже XIX—XX вв.; в ходе этого процесса в оазисах, как и в горах, наблюдалась указанная закономерность.<sup>20</sup> Так, турки и тагчи, расселявшиеся на рубеже XIX—XX вв.

в предгорных верхних границах оазисов, ранее занимали долины крупных рек. Однако они были вытеснены оттуда поздними пришельцами даштикипчакского происхождения; последние и остались на местах ранних поселенцев.

Влияние природных условий выражалось не только в географии расселения различных этносоциальных коллективов (в соответствии с традиционными формами хозяйства), но и в социально-демографических группировках населения. Такая дифференциация наблюдается в основном у оседлого населения и наглядно отражает главную черту деятельности человека в этих районах — стремление создать интенсивное хозяйство благодаря максимальному приспособлению к данным природным условиям. В начале XX в. в Средней Азии преобладало сельское население, а городское составляло всего 17,7%. Данное соотношение, однако, изменялось в зависимости от тех же природно-хозяйственных условий. Так, процент городского населения повышался до 26—30% в районах с садово-огородническим и полеводческим (с промышленными культурами) направлениями (Бухарский оазис и Ферганская долина),<sup>21</sup> что объясняется своеобразной связью городского населения с особыми видами сельскохозяйственного производства.<sup>22</sup>

Влияние почвенных и климатических условий и, главное, наличие или отсутствие искусственного орошения, определяющего различную возможность использования человеком данной территории, четко отражались также на плотности расселения. Она была весьма высокой в многоводных предгорьях и долинных равнинах, где оседлое население — древние земледельцы — уже издавна было организовано на основе не родственных, а социальных и территориальных связей и где сложилось земледелие разной степени интенсивности.

Эти обстоятельства являются достаточным показателем той социально-демографической ситуации, которая была присуща господствовавшему в XIX в. феодальному способу производства.

Для производства растительных продуктов крестьянин нуждался в знании всех условий производства — земли и воды, климата и т. д., с одной стороны, и особенностей выращиваемых растений — с другой. При этом каждый стремился воплотить свои знания в реальных результатах — возделывать то, что давало максимум продуктов

при минимуме затрат средств производства и труда. Поэтому традиционное сельское хозяйство конца XIX—начала XX в., как и способы орошения, характеризуется значительной приспособленностью к внешней физико-географической среде, что, как видно из дальнейшего, определяло и некоторые аспекты и социально-экономических отношений этого периода.

В соответствии с местными условиями среднеазиатское хозяйство разделялось на шесть земледельческих (полеводческих), семь животноводческих и три оросительных района.<sup>23</sup> Первые два типа хозяйственных районов различались по степени интенсивности сельскохозяйственного производства в зависимости от состава и соотношений возделываемых культур (или разводимых животных), требующих различного количества труда и средств, водные же районы — по возможности орошения.

Полеводческие районы дифференцировались на три экстенсивных (1-й — чисто зерновой; 2-й — зерновые с травопольной, 3-й — зерновые с огородной системами культур) и три интенсивных района (4-й — с плодосменной, 5-й — с промышленно-травопольной и 6-й — с чисто промышленными системами культур).

В пределах полеводческих районов значение экстенсивных (злаковых зерновых) культур падало от 94.2 до 29%, а значение интенсивных (хлопчатника, риса, джу-гапы и озимой пшеницы) увеличивалось от 3.2 до 61.4%, причем разница в соотношениях этих групп растений была значительно больше в районах с экстенсивным хозяйством, чем с интенсивным. Так, в зерновом районе с травопольной системой экстенсивные составляли 85%, а интенсивные — 5.5%, тогда как в среднеинтенсивном (4-м) — 61.6 и 30.2%, в промышленно-травопольном (5-м) — 33.3 и 45.2% и т. д. Территориально эти районы были разбросаны по среднеазиатскому региону. Так, район промышленно-травопольной системы полеводства объединял Ташкентскую область, Шураханский и южный Хорезмский, Керкинский округа. В район самого интенсивного хозяйства, с чисто промышленной системой полеводства, входила северная часть Хорезма, Чарджоуский округ и вся Ферганская долина. А эти области, как мы уже говорили, были заняты в основном наиболее древней частью среднеазиатского населения: сартами, таджиками и ранними тюркскими племенами.

Среднеазиатский регион разделялся на семь животноводческих районов, территориально также разбросанных. Степень интенсивности хозяйства этих районов определялась количеством крупного рогатого скота в стаде как требующего значительных трудовых и материальных затрат. Наибольшее количество скота было в зоне орошаемых сероземов, в Ферганской и средней Зеравшанской долинах, в Ташкентском оазисе, в северных частях Хорезма и горной области (Гарм), т. е. там, где сложилось и интенсивное земледелие. Наименее же интенсивное хозяйство, с преобладанием мелкого скота, в основном овец, было в районе пустынных песчаных равнин (Каршинский, Джизакский и Тедженский округа). В первых районах крупный рогатый скот составлял 22.5—42.5%, а во втором — 3.5%.<sup>24</sup> Все эти районы были заняты в основном тюркоязычным кочевым населением, сохранявшим родо-племенное деление.

Сравнивая животноводческие и полеводческие районы, экономисты делают вывод, что интенсивная система хозяйства сложилась примерно в одних и тех же областях, так же как и экстенсивное хозяйство имело свои районы сосредоточения. Центром интенсивной системы являлась Ферганская долина с наиболее высокой хозяйственной культурой. От этого центра к периферии шло понижение интенсивности хозяйства (Шахрисабзский или Каттакурганский уезды приближались по уровню хозяйства к Ферганской долине). В центре экстенсивной системы находилась Каршинская степь. От этого центра к периферии уровень хозяйства повышался.

Сельскохозяйственная культура Средней Азии зависела также от водного режима рек, от расположения отдельных областей на различных отрезках течения рек или оросительных магистралей, как и сама искусственно созданная оросительная система — от режима рек. Районы интенсивного полеводства являлись в то же время и особенно многоводными, с широко развитой ирригационной системой. Они отличались наиболее полным использованием водных запасов для культивирования растений именно промышленного значения и для развития интенсивного животноводства, являющегося необходимым дополнением к первому. В маловодных районах в целях экономии воды и обеспечения хотя бы частичной потребности в продовольствии население было вынуждено отво-

дуть значительное место экстенсивным полевым культурам. Оно занималось также экстенсивными отраслями животноводства, в частности овцеводством. Однако для компенсации низких доходов разводили овец каракулевой породы, что в экономике данного района стало важным источником драгоценного промышленного сырья. Районы же средней орошаемости совпадали с районами средней интенсивности земледелия.

Таким образом, состояние и многообразие среднеазиатского хозяйства на рубеже XIX—XX вв., отражая естественные физико-географические условия человеческой жизни, в то же время являлись результатом присвоения этих условий человеком в процессе трудовой деятельности. В этом длительном процессе изменениям подвергались и сами люди. По мере оседания первичные естественные связи людей теряли свое былое значение. Степень ослабления этих связей прямо соответствовала степени усложнения и интенсификации земледельческого хозяйства. В многоводных районах интенсивного земледелия, среди древних сартов, таджиков и особенно ходжа, саидов, т. е. «белых», уже давно были утрачены родоплеменные деления; значение родственных отношений ограничивалось большей частью семейно-бытовыми вопросами. Организация земельно-водного хозяйства, крестьянского труда, быта, места поселения и даже многих обрядов строилась по территориальному и социальному принципам.

Социальные отношения оседлого населения основывались на различных формах связи труда и средств производства, в первую очередь крестьянина и земли, а в данных условиях и воды. Для среднеазиатского региона в целом характерным было мелкое землевладение. Размер его, соответствовавший производственным возможностям отдельного хозяйства — семьи, колебался в зависимости от различий сельскохозяйственных, в том числе и оросительных, районов. Их можно объединить в три группы. В первой группе (многоводной, с интенсивным хозяйством) размер землевладений колебался от 1—2 до 3—5 га. Во второй группе (в основном средней орошаемости и интенсивности хозяйства) преобладающие размеры землевладений установились около 3—5 га. И, наконец, третья группа (с весьма слабо развитым орошением, местами оно являлось даже лишь подсобным)

характеризовалась землевладением в 3—5 и более га. Несмотря на сложившееся общее мелкое землевладение в большей части местностей, бедных поливными и богаты неполивными землями, или в экстенсивных хозяйственных районах преобладали повышенные размеры землевладений — 3—5 га на хозяйство (Каршинский, Чимбайский, Ширабадский, Гиссарский, Нарынский, Чимкентский, Ходжентский, Уратюбинский и др.). В первое десятилетие XX в. в этой полосе сосредоточивалось 46% всех среднеазиатских хозяйств. Здесь связь между условиями водо-землепользования и размерами землевладения выступала весьма отчетливо. Маловодье не позволяло использовать земли под влаголюбивые промышленные культуры, поэтому их заменяли зерновыми. Однако для получения дохода, достаточного для годичного содержания семьи (хозяйства), эта культура возделывалась на больших площадях. Кроме того, недостаток воды, необходимость экономии ее (на единицу посевной площади) и обеспечения ею всех хозяйств обуславливали часто практиковавшийся здесь общинный порядок распределения воды — долевой или очередной. Как результат этого порядка здесь возникала возможность владения большими площадями земли и обрабатывания их. По этим же причинам именно в этой зоне в области производства эффективно действовала водо-земельная община (общественные переделы земель и воды по жребию).<sup>25</sup> Иными словами, недостаточное развитие производительных сил определяло примитивное, уравнительное распределение и пользование частью средств производства — землей и водой.

Многоводная зона, как уже указывалось, характеризовалась и наименьшим размером землевладений. Причины возникновения подобного положения были различны. В Кокандском и Наманганском уездах оно объяснялось и крайней плотностью населения, и чрезвычайно высокой интенсивностью сельского хозяйства при отсутствии свободно используемой рабочей силы. Мелкое землевладение в Джизакском уезде (маловодном) обуславливалось преобладанием кочевого населения и широким использованием неорошенных и не закрепленных за владельцами земель. В этой зоне большая часть хозяйств владела менее чем 2 га земли — они составляли 28% хозяйств, пользовавшихся орошенной землей (Полторацкий, Керкинский и Керминенский уезды). В зоне средней

нормы землевладения (Ферганский, Андижанский, Мервский уезды и Шураханский участок, а также Хорезм и Шахрисабз) незначительный и одинаковый размер землевладения крестьян, помимо естественных причин, определялся, например, формами родовых связей (у туркмен) или общим аграрным положением данной долины (у ферганских сартов). Итак, мы видим, что мелкое землевладение имело устойчивый характер, хотя размеры его изменялись в зависимости от сочетания естественных и социальных факторов.

Каковы же были социально-правовые основы рассмотренных водо-земельных отношений в Среднеазиатском регионе? Или какова была взаимосвязь между формами использования природных условий и формами общественных социальных отношений, в которые вступали люди в процессе сельскохозяйственного производства? В среднеазиатских природных условиях мелкое землепользование в позднефеодальный период несомненно являлось своеобразной формой общественного приспособления к естественным условиям: к возможностям обеспечения земли водой, рабочей силой (в определенных нормах), как и обеспечения человека условиями труда, от чего зависело удовлетворение необходимых материальных потребностей людей и общества в целом. К этой ситуации вполне применим вывод К. Маркса, что «индивиды ведут себя... как собственники и как члены того или иного коллектива..., которые в то же время трудятся. Целью этого труда является... обеспечение существования отдельного собственника и его семьи, а также и всей общины».<sup>26</sup>

При господстве мелкого посемейного владения трудно установить ясную границу между общинным и подворно-участковым водо-землепользованием. Как правило, в многоводных районах общинные переделы земли между ее пользователями почти отсутствуют. Общинный принцип здесь выявляется в водопользовании и в применении коллективного труда при проведении новых каналов и поддержании существующих. Весь необходимый труд при этом может осуществляться только самими водо-, а следовательно, и землепользователями; выбытие из работы лишало права на получение доли воды. Поэтому местное обычное право по существу устраняло частную собственность на воду.

Однако в старых оседлых районах естественный прирост населения и дальнейшая колонизация (переход от старых, хорошо орошенных земель к новым, худшим), интенсификация земледелия, создавая потребность в воде, приводила к значительным нарушениям общинных водных и даже земельных отношений. Такое положение сложилось и в нижнем, и среднем Зеравшане, и в Шахрисабзском оазисе, и в предгорьях Ферганы (например, в Исфаре). Водное право как система строго определенных регулирующих норм отсутствовало во всей Средней Азии; оно существовало как местное обычное право. Этим и объяснялось разнообразие способов учета и распределения воды. В маловодных районах существовало или долевое, или очередное распределение воды и даже земли в зависимости от конкретных условий. Однако и здесь при большом количестве воды или сокращении разверсточных единиц (в результате смерти, выхода из общины и т. п.) переделы становились редкими и отношение к земле постепенно приобретало характер индивидуального подворно-участкового и наследственного владения (Мервский и Ташкентский оазисы и др.).

На рубеже XIX—XX вв. повсеместно распространенной и даже преобладающей формой отношений между производительными силами и условиями производства, между крестьянином и землей являлось подворное наследственное владение и пользование землей. Оно преобладало даже там, где водо-земельная община имела решающее значение также и в полеводческом производстве. Тем не менее эта форма земельных отношений, по-видимому, не могла считаться формой частной собственности по аналогии с европейскими земельными отношениями. Эта разница обнаруживалась, например, в порядке наследования («по закону», без права владельца распоряжаться участком в завещании), в практике коренного передела земель между членами общины, с целью достижения большей уравнительности, в преимущественном праве покупки («шифат») членами общины или соседями участка, отчуждавшегося одним из общинников, в возложении на владельца земли доли участия в поддержании оросительных систем и выполнении различных денежных и натуральных повинностей.<sup>27</sup> Подобное индивидуальное подворно-участковое владение землей, осложненное указанными признаками и повсеместно известное под одним



термином — «мюлк», являлось промежуточной ступенью между общинными передельными (в отношении или воды, или земли, или и того и другого объектов) землями и чистыми подворно-собственническими участками.

Итак, в древних многоводных районах водо-земельные отношения имели устойчивый собственнический характер. В маловодных районах, но сравнительно новой оседлости, практиковались порядки общинного водо-земельного владения.

Направление земледельческого хозяйства, состояние земле- и водопользования, а также состав населения обуславливали в свою очередь формы и своеобразие сочетания различных видов организации крестьянского труда. Основой образования отдельной трудовой единицы служили различные общности — семья, группа семей (родственников — генеалогически и по свойству — и чужих), половозрастные, профессиональные, территориальные (особенно община), социальные объединения и др. Значимость и действие трудовых единиц были весьма различны в разных районах и зависели от видов работ, от сочетания культур и отраслей хозяйства, от сезона. Так, в южном Хорезме, в районе интенсивного хозяйства с чигирным орошением, земледельцы-сарты создавали такую систему сочетания отраслей хозяйства и полевых растений, что каждая семья справлялась со своими делами, выступая отдельной трудовой единицей. Поэтому здесь почти не практиковали в полеводстве помочи и не привлекали издольщиков.<sup>28</sup> В условиях же интенсивного хозяйства, как у ферганских сартов, но при их системе возделывания пропашных и технических культур с само-течным орошением, значение семьи как отдельной трудовой единицы было ограничено, поэтому она нередко объединялась в отработочную группу из общинников и даже односельчан (альгоу) или использовала наемную силу. Более того, в начале XX в. многие крестьяне пригородных селений, сами превратившись в издольщиков-горожан, по-прежнему были вынуждены применять указанные формы труда. В зерновых районах (экстенсивное земледелие) среди полуоседлых земледельцев — узбеков с родоплеменными делениями — трудовой единицей также выступала семья. Однако это объясняется не системой хозяйства, а величиной семьи: здесь она объединяла несколько брачных пар в двух-трех поколениях. Подобные

семьи обычно распадались на мелкие. Тогда трудовой единицей выступали группы малых семей, связанных общностью происхождения. Оформленные организационно, они имели и постоянный состав, и выступали автономной единицей во многих областях крестьянской жизни. Мужские объединения, составлявшиеся по возрастному и территориальному принципу, в качестве трудовой единицы чаще выступали в оседлых районах древнего орошения, среди сартов и таджиков. Сельская община отдельной трудовой единицей считалась на ирригационных работах, при пользовании землями родникового орошения и при сборе различных фруктов в общественных лесах вокруг селений.<sup>29</sup> Как видим, при всем разнообразии организации труда выясняется, что естественные и древние ее формы (семья, семейные группы, община) сохранялись повсеместно и в наиболее старых отраслях деятельности: собирательстве, полеводстве и водном хозяйстве. Тем не менее значение родственных и общинных связей преобладало в районах экстенсивного хозяйства, среди населения, сохранявшего родо-племенную структуру организации общества. Напротив, в районах интенсивного хозяйства трудовые группы составлялись на основе территориальных и социальных связей.

Освоение природных условий предполагает также и распределение, и потребление результатов производства. Это является опосредованным выражением отношений человека к окружающей его среде. Формы потребления были различны, хотя их многообразие, по-видимому, менее заметно. Распределение продуктов крестьянского труда, существовавшее в государственном и местном масштабах, в среднеазиатских условиях происходило в весьма конкретных формах: продуктовой, трудовой, земельной и денежной. Эти формы отражали отношения непосредственного производителя, с одной стороны, с государством (с его светскими и духовными, гражданскими и военными органами управления), с другой — с различными крестьянами и ремесленниками, способствовавшими своим непосредственным трудом крестьянскому производству. Эти двусторонние отношения крестьянина составляли основу официальных законов и обычных норм права среднеазиатских обществ.

При единстве обычных норм и воззрений существовали различные официальные правовые формы землевладения.

Большая часть земель рассматриваемого региона причислялась к государственным (амляк, султани и вахм), меньшая — к частным (милк, милк-и хурр и милковый вахм). Так было в Бухарском, Хивинском и Кокандском ханствах.<sup>30</sup>

Хозяйственно-экономическое значение этих земель и их территориальное распределение оказывались весьма тесно связанными с определенными природными условиями края. Государственными являлись в первую очередь все втуне лежавшие земли «мават»; это залежи, перелого, пар, невозделанные земли (из-за недостатка воды). Из обрабатывавшихся земель к государственным относились в основном полевые, причем занятые зерновыми культурами. Эти государственные земли располагались, естественно, вокруг поселений, но в разной последовательности и отдаленности от них. Кроме того, имело значение расположение земель и селений в тех или иных частях водных систем, что в свою очередь влияло на соотношение выращивавшихся культур (площади зерновых увеличивались от верховий к низовьям). В масштабах всей Средней Азии география государственных земель соответствовала отдельным крупным районам злакового зернового земледелия. Милковые же, как правило, были сосредоточены вокруг значительных центров. На милковых землях возделывались садово-огородные культуры (интенсивное хозяйство).

С государственных земель налог собирался специальными чиновниками; последние сдавали его в казну. Натуральные сборы составляли  $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{3}$  части урожая зерновых. Размеры денежных налогов, поступавших с огородно-садовых земель, также отличались по районам и зависели от видов культур (но исчислялись с площади, а не с урожая). Сбор налога с государственных земель, однако, нередко «жаловался» различным служащим как плата за те или иные заслуги перед ханами, в том числе и за службу, причем жалуюемому лицу предоставлялся в первую очередь налог с его же земли, затем с ближних крестьянских наделов. Оформление этих государственных жалований было различным. Ханские документы свидетельствуют, что оплата управленческого аппарата выражалась в представлении им государственного налога с определенной площади земли (Ферганская долина, Ташкентский оазис), или самой земли (Зеравшанская,

Кашкадарьинская долины), или домохозяйств (восточные горные области Бухарского ханства). Иными словами, государство для содержания своего аппарата изымало у крестьян, непосредственных производителей, результаты их труда (районы с менее интенсивным хозяйством) или присваивало их рабочую силу в течение такого времени, которого было достаточно для производства определенного количества материальных благ для жалуемого лица. Таким образом, формы пожалования видоизменялись в зависимости от того, какая социальная группа оказывалась объектом эксплуатации, каковы их действительные условия производства. В районах экстенсивного и менее интенсивного хозяйства, среди народов, поздно осевших и сохранявших родо-племенные деления, связь с государством выражалась в передаче земли или в эксплуатации самого человека. В районах древней оседлости, где установилась самая высокая (для своего времени) интенсивность хозяйства, эти отношения оформлялись как присвоение государством лишь продуктов земли.

Третий вид земель, так называемые вахмы, вакуфы, был изъят из гражданского оборота. Амляковые вакуфы составлялись из государственных, а милковые — из частных пожертвований культовым и учебным заведениям для их содержания. Соответственно налог с амляковых вакуфов поступал в казну (полностью или частично), а с милковых — в пользу данного учреждения. Амляковые вакуфы управлялись назначаемыми государством лицами, милковые же — с большей частью наследственными представителями древней группы среднеазиатского населения — ходжа, саидов, тура и др.<sup>31</sup> Таким образом, вакуфные земли отражали также различную степень сохранения связи человека с землей и возможности совместного действия. Эта связь проявлялась на милковых землях, особенно на милковых вакуфах. Именно эти милковые земли, остававшиеся в ведении человека, являлись наиболее полно хозяйственно освоенными и лучшими по состоянию.<sup>32</sup>

Значение этих земель зависело от хозяйственно-экономического района их расположения. В географии их не наблюдалось особой четкости. Но тем не менее они сосредоточивались в бассейнах наиболее древних оросителей, в низовьях водных систем и в округах крупных центров, и здесь преобладали милковые вакуфы.

Процессы смешения кочевых народов с местными, систематические контакты тюркского и монгольского населения с местными и ираноязычными земледельцами имели весьма существенные результаты, оказывавшие влияние на обе стороны. Результаты этих контактов сказывались не только на хозяйстве, но и на материальной и духовной культуре. Несмотря на единство среднеазиатской культуры, сохранялись и ее особенности, выявляемые по отдельным районам, что связано и с этническим составом населения, и, в конечном итоге, с природными условиями традиционного производства. Тюрко-монгольские родо-племенные объединения в соответствии со своим традиционным занятием — кочевым скотоводством — занимали те территории, которые были годны для этой отрасли хозяйства, а иногда и земледельческие базисы превращали в пастбища. Степень же оседания кочевников отразилась, например, в различии жилищ (передвижной и постоянный дом — «юрт» и «там»), в формах и размерах поселений и их организации. Разбросанные мелкие селения, состоявшие лишь из зимних жилищ, были характерны для оседавших кочевников. Крупные и компактные селения, в которых сосредоточивались не только жилища, причем для разных сезонов, но и хозяйственные помещения с дифференцированным назначением, с прилегающими к этим жилищам огородно-садовыми землями, — все это отличало старое оседлое население (таджиков, сартов и особенно ходжа) от поздних пришлых кочевников. Наиболее завершенная форма этой культуры сложилась в Ферганской долине.<sup>33</sup>

Итак, если постоянная предпосылка, условие жизнедеятельности человека — это диалектически противоречивое взаимодействие общества и природы, человека и среды его обитания, если ведущая роль в этом взаимодействии принадлежит фактору социальному, то тем не менее природно-географические условия также выступают и как основа, и как фактор данного взаимодействия, а при посредстве механизмов его — как фактор развития самого общества на разных этапах его исторического движения.

<sup>1</sup> М а р к с К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. — М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 461.

<sup>2</sup> М а р к с К. Капитал. Т. 1. — Там же, т. 23, с. 188.

<sup>3</sup> М а р к с К. Наемный труд и капитал. — Там же, т. 6, с. 441.

<sup>4</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или Критика критической критики. — Там же, т. 2, с. 166.

<sup>5</sup> См.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966. 290 с.

<sup>6</sup> См.: История народов Узбекистана. Ташкент, 1950, т. 1; 1947, т. 2. 457 с.; История Киргизской ССР. Фрунзе, 1963, т. 1. 320 с.; История таджикского народа. М., 1963, т. 1; 1964, т. 2. 490 с.

<sup>7</sup> Укажем лишь некоторые крупные работы, снабженные, как правило, обширной библиографией: Данилевский Г. И. Описание Хивинского ханства. — Зап. имп. Русск. геогр. о-ва, 1851, кн. V, с. 62—153; Миддендорф А. Ф. Очерки Ферганской долины. СПб., 1882. 487 с.; Соболев Л. Н. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе. — Зап. имп. Русск. геогр. о-ва по отд. статистики, 1874, т. IV. 454 с.; Сартовское хозяйство в Чимкентском уезде Сыр-Дарьинской обл. — Материалы по изучению хозяйства оседлого туземного населения в Туркестанском крае. Ташкент, 1912. 345 с.; Массальский В. И. Туркестанский край. СПб., 1913. 861 с. (Россия; Т. XIX); Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользованию в Амударьинской и Сырдарьинской областях. Ташкент, 1915, вып. 1—2; Предтеченский А. А. Сельское хозяйство и задачи ирригации в Зеравшанской долине. М., 1921. 235 с.; Среднеазиатский экономический район. Ташкент, 1922. 123 с.; Районирование Туркестана. Ташкент, 1922. 167 с.; Статистический ежегодник 1917—1923 гг. Ташкент, 1924. 650 с.

<sup>8</sup> Для описания природных условий и их влияния на направление хозяйства, помимо указанной литературы, нами использованы монографии: Средняя Азия. М., 1968. 454 с. (Природные условия и естественные ресурсы СССР); Средняя Азия. Экономико-географическая характеристика и проблемы развития хозяйства. М., 1969. 504 с.

<sup>9</sup> Среднеазиатский экономический район, с. 26.

<sup>10</sup> Там же, с. 27.

<sup>11</sup> Рассадова Р. Я. 1) Хозяйство Каттакурганского уезда Самаркандской области в конце XIX—начале XX в. — Тр. Ин-та этнографии, Л., 1973, т. 98, с. 140—153 (нов. сер.); 2) О видах поливных и неполивных земель в Средней Азии. — В кн.: Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975, с. 124—134; 3) Земледельческое хозяйство и местные рынки Ферганы XIX в. — В кн.: Бартольдские чтения. 1976. М., 1976, с. 69—71.

<sup>12</sup> Латынин Б. А. Вопросы истории ирригации древней Ферганы. — Краткие сообщ. Ин-та истории матер. культуры, 1956, № 64, с. 15—26; Рассадова Р. Я. 1) Значение культовых мест для освещения истории земледелия в Ферганской долине. — В кн.: Краткое содержание докладов годичной научной сессии Ин-та этнографии АН СССР. 1970. Л., 1971, с. 57—59; 2) Связь оросительных систем и культовых объектов Ферганы. — Сов. этнография, М., 1983, № 6.

<sup>13</sup> Гулямов Я. Г. К возникновению ирригации в Хорезме в свете данных археологии. — В кн.: Сб. материалов научной сессии АН УзССР. Ташкент, 1948, с. 20—31; Дингельштедт Н. Опыт изучения истории ирригации Туркестанского края. СПб., 1893, т. 1. 375 с.; 1895, т. 2. 260 с.; Средняя Азия; Среднеазиатский экономический район, с. 25—30.

<sup>14</sup> Среднеазиатский экономический район, с. 25—30; Средняя Азия. Экономико-географическая характеристика и проблемы развития хозяйства. М., 1969. 504 с.

<sup>15</sup> Статистический ежегодник 1917—1923 гг. Ташкент, 1924, т. 1, ч. 3, с. 38, 39, табл. 2, 3.

<sup>16</sup> Исчезающие воспоминания таджиков о том, что они сарты, зафиксированы еще в 20-е годы. См.: А н д р е е в М. С. По этнографии таджиков. — В кн.: Таджикистан. Сб. статей. Ташкент, 1925, с. 157.

<sup>17</sup> К а р м ы ш е в а Б. Х. Этнические очерки истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976, с. 45—72, 122—162, 261.

<sup>18</sup> Р а с с у д о в а Р. Я. 1) Термин «ходжа» в топонимии Средней Азии. — В кн.: Ономастика Средней Азии. М., 1978, с. 115—128; 2) Скифские энarei — среднеазиатские ходжа. — В кн.: Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: Тез. докл. Всес. археол. конф. Кемерово, 1979, с. 33—34; 3) К вопросу об этносоциальной структуре оседлого населения Средней Азии в XIX в. — В кн.: Краткое содержание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений. Август 1979. Л., 1979, с. 4—5.

<sup>19</sup> К а р м ы ш е в а Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана, с. 258—264.

<sup>20</sup> Чересполосное расселение кочевых народов с искони оседлым населением определялось в значительной степени занятием ими тех регионов, которые по своим природным условиям соответствовали традиционным формам хозяйства различных групп — все это отмечено и экономистами, статистиками уже в 20-е годы (см.: Среднеазиатский экономический район, с. 23).

<sup>21</sup> Среднеазиатский экономический район, с. 16—19, 32.

<sup>22</sup> П р е д т е ч е н с к и й А. А. Сельское хозяйство и задачи ирригации в Зеравшанской долине. М., 1921. 230 с.

<sup>23</sup> Среднеазиатский экономический район, с. 22, 36—38; Материалы для районирования Туркестана. Ташкент, 1922, табл. 2.

<sup>24</sup> Материалы для районирования Туркестана, с. 42—44; Среднеазиатский экономический район, с. 19—20, 35—38. В отличие от всего региона в Ферганской долине к тому же освоенность и использование земель, а следовательно и водных ресурсов, была весьма высокой (Средняя Азия. Экономико-географическая характеристика..., с. 309—324); Р а с с у д о в а Р. Я. Хозяйство Каттакурганского района Самаркандской области в конце XIX—начале XX в., с. 48—50.

<sup>25</sup> Материалы для районирования Туркестана, табл. 2—3; Среднеазиатский экономический район, с. 18, 47—52; Статистический ежегодник 1917—1923 гг., т. II, гл. XII, табл. 1—8, с. 1—101; гл. XIII, табл. 1—4, с. 300—372.

<sup>26</sup> М а р к с К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. — М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 462.

<sup>27</sup> Сартовское хозяйство в Чимкентском уезде Сырдарьинской области, с. 40—60; Р у с и н о в В. В. Водо-земельные отношения и община у туркмен. — Тр. Туркест. стат.-эконом. о-ва, Ташкент, 1918, вып. 1, с. 25; П о л о з о в В. А. Узбекское общинное землепользование в Ширабадской долине и Каршинской степи УзССР. — Народное хозяйство Средней Азии, Ташкент, 1925, № 7, с. 69—75; Р а с с у д о в а Р. Я. 1) Занятия населения. — В кн.: Этнографические очерки узбекского сельского населения. М., 1969, с. 67; 2) К истории сельской общины в Средней Азии во второй половине XIX—XX в. — Сов. этнография, М., 1971, № 1, с. 78—89; 3) О пережитках общинного землепользования в первой четверти XX в. в Ташкентском оазисе. — В кн.: Итоги полевых работ Ин-та этногр. в 1970 г. М., 1971, с. 72—82; 4) Значения термина «кош» в Средней Азии. — Сов. этнография, М., 1974, № 6, с. 78—87.

<sup>28</sup> Современный кишлак Средней Азии. Ханкинская волость. Ташкент, 1926, вып. 2, с. 27, 31, 51—52.

<sup>29</sup> Рассудова Р. Я. 1) Формы организации труда в орошаемых районах Средней Азии. — В кн.: Сб. Муз. антропол. и этногр. Л., 1971, т. 9, с. 274—282; 2) Издольные отношения в некоторых районах Средней Азии (конец XIX—начало XX в.). — В кн.: Социальная история народов Азии. М., 1975, с. 47—64.

<sup>30</sup> Соболев Л. Н. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе, с. 1—129; Пантусов Н. П. О податях и повинностях, существовавших в быв. Кокандском ханстве. — Туркест. ведомости, 1876, № 16; Семенов А. А. Очерки поземельно-податного устройства быв. Бухарского ханства. — Тр. Среднеаз. гос. ун-та, Ташкент, 1929, сер. II, вып. 1; История народов Узбекистана. Ташкент, 1947, т. 2. 457 с.

<sup>31</sup> Москальцев А. Исследования вакуфов в Ташкентском уезде. — В кн.: Сб. материалов для статистики Сырдарьинской обл. Ташкент, 1895, т. IV, с. 215—240; Наливкин В. П. Положение вакуфного дела в Туркестанском крае до и после его завоевания. — В кн. Ежег. Ферганской обл., 1904, т. 3, с. 125—200; Юлдашев М. Ю. К истории крестьян Хивы XIX в. Ташкент, 1966. 132 с.; Троицкая А. Л. Каталог архива кокандских ханов. XIX в. М., 1968. 115 с.

<sup>32</sup> Ситняковский Н. Ф. Заметки о бухарской части долины Зеравшана. — Изв. Туркест. отд. имп. Русск. геогр. о-ва, 1899, т. 1, вып. 2, с. 121—178.

<sup>33</sup> Рассудова Р. Я. 1) К вопросу об этнических связях тюркоязычных народов Средней Азии. — В кн.: Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР. Алма-Ата, 1976, с. 86—88; 2) О типологии сельских поселений XIX в. в орошаемых регионах Средней Азии. — В кн.: Краткое содержание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений. Л., 1978, с. 5—6; 3) К вопросу об этносоциальной структуре оседлого населения Средней Азии в XIX в. — Там же, 1979, с. 4.